

это рисунки, репродукции картин интерпретатора нартского эпоса Махарбека Туганова, фотографии. Рецензируемая работа интересна не только для специалистов, но и с интересом читается людьми самых разных профессий и возрастов, поскольку вводит в научный банк данных мировой этнологии богатый фактический материал, позволяющий делать обобщения самого широкого характера.

Исследование помогает увидеть глубокую целесообразность традиционного уклада жизни, убедиться, что мир, в котором жили предки современных кавказских этносов, не был примитивным и простым, что достойная жизнь в нем требовала от каждого члена общества приложения силы воли, ума, духа. Книга Б.А. Калоева – важный аргумент как против этноцентризма, тенденции судить о других культурах с позиций превосходства своей нации, так и против ксенофобии, страха и неприязни к чужим обычаям.

Исследование Б.А. Калоева «Осетинские историко-этнографические этюды» помимо того, что оно является значительным вкладом в мировую и отечественную этнологию и заслуживает самой высокой академической оценки, несет в себе и этнопедагогические идеи, имеющие вместе с тем и воспитательное значение.

З.Б. Цаллагова

© 2000 г., ЭО, № 3

Е. Э. Хабунова. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследование и материалы. Элиста, 1998. 224 с.

Монография Е.Э. Хабуновой – целостное описание жанров калмыцкого фольклора, связанных с традиционным свадебным обрядом калмыков, и поэтики образцов фольклора, исполнившихся во время совершения свадебного обряда. Данная работа – первая попытка целенаправленного сбора материала по свадебной обрядности калмыков и фольклору, сопровождающему свадебный обряд.

Предмет исследования автора – протяжные песни (гл. 1, с. 9–42), свадебные благопожелания – *йорялы* (гл. 2, с. 43–80) и малые устно-поэтические жанры, исполнение которых связано с компонентами свадебного обряда, а именно со сватовством и свадебными пиршествами (гл. 3, с. 81–102). Значительное место в монографии занимает сравнение калмыцкого фольклорного и этнографического материала с материалами по обрядности и различным жанрам фольклора других монголоязычных народов – халха-монголов и бурят, причем автор обращает внимание не только на сходства, но и на отличия калмыцкого свадебного обряда от монгольских и бурятских обрядов. Автор в описании своего материала проявляет внимание не только к собственно обрядовым текстам, но также пристально изучает образцы обрядовой поэзии, сохранившиеся в других жанрах калмыцкого фольклора – в эпосе «Джангар», который справедливо считается своеобразной энциклопедией истории культуры калмыков, а также в сказках и других памятниках калмыцкого исторического фольклора. Библиография, приложенная к книге, включает почти 200 наименований исследований и публикаций материалов на русском, калмыцком и монгольском языках.

Изучение обрядового фольклора представляет собой весьма сложную задачу, для решения которой исследователь должен быть в равной мере и фольклористом, и этнографом. Рецензируемая работа, так же как и предшествующие публикации Е.Э. Хабуновой, свидетельствует о том, что исследовательница прекрасно владеет материалом двух смежных научных дисциплин. Достоинства книги – богатство этнографических фактов и фольклорных текстов, вводимых в научный оборот, и последовательный характерологический подход к материалу.

В первой главе дается характеристика разных жанров калмыцких протяжных песен, исполнение которых приурочено к свадебным обрядам: это песни-гимны, пиришественные песни – *или*, песни-здравитцы, песни-назидания, песни, вызывающие плач невесты. Здесь особо стоит отметить характеристику образной системы и черт поэтики пиришественных песен и песен с подношением (с. 23–28, 28–35). При характеристике песен-назиданий и песен, вызывающих плач невесты, большое внимание уделено этнографическому аспекту и особенностям функционирования этих типов песен.

Вторая глава целиком посвящена обрядовой характеристике и особенностям поэтики свадебных благопожеланий – *йорялов*. В ней содержится детальная классификация благопожеланий по их связи с отдельными компонентами свадебного обряда в определенной последовательности. Автор специально останавливается на бытующих у калмыков представлениях о магической силе слова, обуславливающих

бытование жанров проклятий – *харалов* и благопожеланий – *йорялов* (с. 43–44). В этой главе дается весьма подробная классификация йорялов, основанная на последовательности ритуальных действий в свадебном обряде. Авторское использование термина йорял для обозначения благопожелания представляется оправданным, так как отличает собственно калмыцкий материал от монгольских благопожеланий, называемых в литературе *йорел*. Изложение материала здесь в наибольшей степени увязывается с этнографическими компонентами обряда. В этой же главе дается лаконичная, но весьма информативная характеристика особенностей поэтики свадебных йорялов (с. 76–80).

Привлекает внимание третья глава книги, в которой рассматриваются афористические жанры фольклора: восхваление, загадка, иносказание, пословицы и поговорки, импровизация – «рассказывание по кости», представляющая собой оригинальную особенность калмыцкого фольклора.

Большую ценность для изучения фольклора калмыков и монгольских народов в целом имеет приложение к монографии, содержащее собрание образцов различных жанров фольклора калмыков, связанного со свадебным обрядом, большая часть которых ранее не публиковалась (с. 103–204), и описание самого свадебного обряда (с. 204–213). К сожалению, материалы приложения не переведены на русский язык и доступны только для монголоведов. Эта особенность издания, в целом оправданная тем, что книга Е.Э. Хабуновой предназначена в первую очередь для читающих по-калмыцки, компенсируется тем, что в ее исследовательской части все тексты и цитаты из них, приведенные на языке оригинала, имеют русские переводы.

Монография Е.Э. Хабуновой имеет особое значение не только для исследования обрядности и устного народного творчества калмыков, но и для фиксации этнографического и фольклорного материала, который с учетом особой судьбы калмыцкого народа на протяжении всего XX в., а именно в трагические годы гражданской войны и период сибирской ссылки 1943–1958 гг., мог быть почти бесследно утрачен и для исследователей, и для самих представителей этноса, принадлежащих к младшим поколениям. В списке информаторов, от которых были записаны анализируемые образцы фольклора, включающем 41 исполнителя (с. 213–214), самые младшие знатоки фольклора – лица 1927–1933 гг. рождения, иными словами те, кто ныне составляет самое старшее поколение этноса. Понятно, что в настоящее время перспективы полевой работы фольклористов, в особенности в области собирания обрядового фольклора калмыков, весьма ограничены, с каждым годом условия для собирания новых образцов традиционного фольклора становятся все более сложными, и надо осознавать, что записи новых текстов – большая удача фольклористов. Монография Е.Э. Хабуновой не только привлекает внимание специалистов к описанию традиционной обрядности и обрядового фольклора калмыков, но и вводит в научный оборот ранее неизвестные материалы, значения которых для культуры калмыцкого народа невозможно переоценить.

Надо с глубоким удовлетворением отметить и то, что автор рецензируемой книги, столь ярко проявивший себя в области изучения фольклора и этнографии, принадлежит к среднему поколению калмыцких ученых-филологов и этнографов, которое в Республике Калмыкии представлено значительным числом одаренных и плодотворно работающих исследователей (Э.П. Бакаева, Т.Г. Борджанова, Э.-Б.М. Гучинова, Т.С. Есенова, Э.У. Омакаева, В.К. Шивлянова и др.). Многие книги и статьи тех, кто пришел на смену старшему поколению калмыковедов-фольклористов и этнографов, учтены в библиографии к обсуждаемому труду.

Замечания, которые хотел бы высказать рецензент, касаются двух довольно сложных проблем, к тому же имеющих второстепенную значимость для обсуждаемой работы. Одно из них касается воссоздания цикла песен «Гимн ойратов» (с. 11–22), имевшего большое значение в духовной культуре калмыков. В приложении автор публикует 25 песенных текстов, которые, по его мнению, входят в названный цикл (с. 104–118), причем из этого числа ранее публиковались лишь 4 песни. Не отрицая заключений автора, нам хотелось бы сказать, что существование у калмыков песен-гимнов именно как частей единого цикла представляется маловероятным и не находит типологических параллелей. Выскажем предположение, что у калмыков объединение песен-гимнов в единый обобщающий цикл – относительно поздний факт, придающий этому жанру некоторую особую монументальность и ставящий его в один ряд с героическим эпосом «Джангар». Упоминание войны с французами в одной из песен, отмеченное автором, устанавливает возможную датировку формирования «Гимна ойратов» не ранее первой трети XIX в.

Второе замечание относится к трактовке образцов так называемых малых жанров калмыцкого фольклора, которые затронуты в связи с их исполнением на калмыцкой свадьбе. Малые жанры калмыцкого фольклора получили подробную характеристику как словесный компонент свадебного обряда, однако трудно полностью согласиться с автором, что словесные импровизации («рассказывание по кости»), загадки, пословицы, иносказания имеют непосредственное отношение к этому обряду. Остается непонятным, что

именно вызвало такую трактовку этого фольклорного материала в рецензируемой работе: особенности функционирования малых жанров фольклора в связи с этнической спецификой обряда и фольклора у калмыков или современное состояние калмыцкого фольклора и традиционной культуры, для которого характерен вторичный синкретизм явлений духовной культуры, сохраняющий и поддерживающий изначально разноплановые явления в рамках традиционного обряда.

Книга Е.Э. Хабуновой будет интересна и полезна для исследователей этнографии и фольклора калмыков и других монголоязычных народов в России и за рубежом. Было бы весьма желательно, чтобы исследовательская и издательская деятельность в области фольклористики в Калмыкии получила бы свое продолжение в монографических изданиях и сборниках текстов, посвященных другим жанрам богатого и высокохудожественного калмыцкого фольклора.

А.А. Бурькин

© 2000 г., ЭО, № 3

Л. Тойдыбекова. Марийская языческая вера и этническое самосознание.
Йоенсуу, 1997. 397 с.

Монография Л. Тойдыбековой «Марийская языческая вера и этническое самосознание», выпущенная в Финляндии издательством Карельского института Университета г. Йоенсуу (ред. П. Хакамиес), посвящена актуальной теме, имеющей большое не только научно-познавательное, но и социокультурное значение. Дохристианские верования и обряды мари (черемис) привлекали внимание путешественников и ученых еще несколько веков назад (А. Олеарий, Г.-Ф. Миллер, И.-Г. Георги, Н.П. Рычков). Со второй половины XIX и в начале XX в. им был посвящен ряд научных сочинений отечественных и зарубежных исследователей (Г.Я. Яковлев, С.К. Кузнецов, В.М. Васильев, Н.С. Капустин, В.С. Соловьев, А.Ф. Ярыгин, Н.С. Попов, У. Хольмберг и др.). Однако многие аспекты марийского язычества до сих пор оставались недостаточно глубоко исследованными, что объясняется рядом причин.

В условиях царской России, когда проводилась христианизация марийского народа, его традиционные верования и обряды познавались в первую очередь в целях скорейшей замены их русским православием, а в бывшем Союзе ССР – с позиций, обусловленных задачами «коммунистического воспитания», непременной составной частью которого считалось «научно-атеистическое воспитание». Религиозные верования и обряды объявлялись заведомо негативными, архаическими «пережитками» народной жизни, с которыми следует бороться. Словом, как верно констатирует Л. Тойдыбекова, «приверженцы марийской религии подвергались гонениям как при царизме, так и в период Советской власти» (с. 66).

Еще меньше была исследована проблема соотношения религиозного и этнического идентитета, что не способствовало выяснению места и роли традиционных верований и обрядов в системе жизнедеятельности марийского этноса.

Источниковая база, на которой Л. Тойдыбекова строит свое исследование, солидна. Она включает обширные и, как правило, очень достоверные полевые материалы самого автора, накопленные ею в процессе многолетних экспедиционных поездок по марийским селам и деревням Республики Марий Эл, Нижегородской и Кировской областей, Удмуртии, Татарии и Башкирии. Важно отметить, что материалы эти собирались по специальной программе, охватывающей весь спектр дохристианских верований и обрядов, фиксировавшихся в полевых дневниках, на магнитофонной ленте, киноплёнке, диапозитивах и фотоплёнке.

Помимо этого Л. Тойдыбекова использовала значительный массив документов, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах. В них содержатся ценные сведения о христианизации марийского народа, его отношении к этому сложному и противоречивому процессу, деятельности секты «Кугу сорта», мерах Русской православной церкви и светских властей по пресечению влияния этой секты на марийское население и о многих других сторонах жизни марийского народа. В ряду этих документов особый интерес вызывают те, что выявлены автором в фондах Государственного архива Кировской обл. и Финно-угорского общества (Хельсинки) и впервые вводятся в научный оборот. Работа в Финляндии над финскими источниками потребовала от Л. Тойдыбековой знания финского языка, который она изучила в совершенстве.

Л. Тойдыбекова привлекла к своему исследованию, критически проанализировав, по существу все научные и научно-популярные публикации по верованиям и обрядам марийцев, выходившие в России и